рой половине XVII в. Нам только кажется, что не следует эту роль преувеличивать. В связи с этим возникает сомнение во всесторонности рассмотрения Стендер-Петерсеном вопроса о переводной литературе. В его изложении русская литература и русский читатель пассивно воспринимают все те новые идеи и новые жизненные отношения, с которыми они знакомятся в произведениях переводной прозы, широким потоком хлынувшей на Русь в XVII в. Если первоначально переводы стремятся приспособить к привычным понятиям и вкусам, снабжая их концовками, проникнутыми религиозной моралью, то впоследствии русские переводчики пробуют делать произведения более понятными русскому читателю, пытаясь средствами русского языка передать непривычные ситуации и обстановку — детали рыцарского быта, турниры, эротические сцены, западноевропейскую куртуазность. И все это до неузнаваемости искажалось, подвергаясь московской переделке. Указывая на эту одну сторону дела, Стендер-Петерсен не касается другой, заключающейся в специфическом интересе русских читателей к тому, что́ именно переводилось на русский язык. На это обстоятельство обращал внимание еще в 1934 г. А. С. Орлов: «В проникновении западных повестей на Русь конца XVI—XVII вв. можно уследить известный выбор. Конечно, охотнее принимались повести, имевшие наибольшее сходство с повестями, уже существовавшими у нас, т. е. такие, которые содержали уже знакомый сюжет или знакомые подробности, отличались привычной формой и заключали в себе нечуждые идеи. Так, например, принимались анекдоты, притчи, жития, находившие себе параллели в патериках, прологах, минеях, принимались рыцарские романы, приемы и формулы которых не были чужды историческим повестям, книжным и словесным, принимались произведения о злых и добрых женах, типические характеристики которых уже с глубокой древности были у нас популярны».[15]

Таковы основные замечания, которые вызывает очерк «московского периода» русской литературы в книге А. Стендер-Петерсена. Можно отметить также ряд частных погрешностей в книге. Крайне неточно, например, утверждение, будто Куликовская битва 1380 г. «положила конец суверенному господству воинственных номадов над раздробленными русскими землями» (163) — власть Орды формально была ликвидирована не в конце XIV в., а сто лет спустя; неверно, что до XVI в. титул «царь» употреблялся только по отношению к византийским монархам (165), ибо этот титул на Руси постоянно применялся также к татарским ханам; нельзя утверждать, что Василий III «охотно одобрял» теорию Филофея о «Москве — третьем Риме» (165), а Иван IV, «конечно, читал» Пересветова (205), так как нам ничего не известно об их знакомстве с этими авторами; об иудее Схарии сообщает не летопись (167), а «Просветитель» Иосифа Волоцкого; осада Пскова, описанная в «Повести о прихождении Стефана Батория», имела место не в 1577 (200), а в 1581 г., и т. д. Эти неточности и ошибки автора (как и другие, за которые ответственен не он сам, а ошибочная историографическая традиция),[16] не имеют большого значения для его труда. Гораздо существеннее недостатки основного построения книги: игнорирование социальных и идейных противоречий внутри

---

[15] А. С. Орлов. Переводные повести XII—XVII вв. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 88.

[16] Так, автор утверждает, что Иван III получил в результате женитьбы на Софии Палеолог «не только византийский титул самодержца, но и герб» (165) и что Нил Сорский выступал против насильственных мер по отношению к еретикам (168). Эти положения часто встречаются в историографии, но они не подтверждаются источниками.